

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОНОМАСТИКЕ: к 50-летию Топонимической экспедиции Уральского университета

УДК 81'373.21 (470.5) + 378.057.175:81'373.21 (470.5)

М. Э. Рут

ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 50 ЛЕТ*

Ключевые слова: ономастика, диалектная лексика, полевые сборы языкового материала, методика сбора языковых фактов в полевых условиях.

Статья посвящена 50-летию Топонимической экспедиции Уральского университета (ныне — Уральский федеральный университет). Автор размышляет о причинах научного долголетия и основных принципах работы этого выдающегося научного объединения.

50 лет — первый «серьезный» юбилей, когда итоги уже не просто демонстрируют некоторые достижения, но обозначают сущность «юбилейного явления» и определяющие тенденции его развития. Конечно, уже самим долголетием можно гордиться: ни один из известных нам центров полевых ономастических сборов в стране не продержался столь долго — те, кто начал раньше, уже прекратили свою работу, остальные приступили к регулярным полевым сборам на десятилетия позднее. Не имеет конкурентов охват территории: практически весь Европейский Север (полностью Архангельская и Вологодская области, значительная часть Костромской и несколько районов Ярославской области, большая часть Урала, Зауралье (включая Тюменский Север), Саяны, Башкирия (подробнее см. хронику экспедиции, опубликованную в этом номере). Весьма значителен

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

и объем собранного материала: более 2 млн единиц — полевые записи топонимов, антропонимов, астрономов, зоонимов, диалектных апеллятивов, этнографических сюжетов и пр.

Но помимо количественных показателей есть смысл задуматься о ТЭ как о научном объединении, которому аналогов не видится. Именно об этом настоящая статья.

О самом начале и родоначальнике. Без Александра Константиновича Матвеева этой экспедиции бы не было. ТЭ УрГУ порождена волей человека, объединившего в себе тягу к путешествиям, страсть геолога-поисковика (вкус к таким изысканиям Александр Константинович унаследовал от отца и ощутил в геологических экспедициях еще в ранней молодости), языковое чутье, любовь к живому языку (еще и подогретую протестом против предложенной ему как аспиранту темы, посвященной роли относительных прилагательных в памятниках письменности) и талант педагога, который не мыслит работы без контакта с молодым поколением. Веселые походы по горам и рекам в хорошей компании и поиск собственной (и общей) исследовательской темы соединились. И началась экспедиция.

Дата ее начала несколько мифологична. В тетрадах учета полевых выездов, бережно хранящихся и ежегодно пополняющихся новыми записями, все начинается с лета 1960 г., когда отряд топонимистов выехал на Чусовую под руководством Людмилы Григорьевны Гусевой (тогда еще студентки Люси Галушко) — А. К. Матвеева призвали на армейские сборы и он поехать не смог. Вообще-то полевые сборы начались раньше, когда А. К. один блуждал по зимнему Северному Уралу, собирая финно-угорские заимствования для своей кандидатской диссертации, обмораживаясь, рискуя здоровьем (и не соблюдая никакой техники безопасности, которую потом так строго спрашивал с участников экспедиций), но считать это экспедицией Шеф (так его всегда называли и за глаза, и в экспедиционных песнях) не посчитал нужным — какая экспедиция без отряда! В свою очередь и экспедиция не захотела считаться таковой без своего руководителя — поэтому официальной датой ее начала стала зима 1961 г., когда уже под руководством Александра Константиновича были пройдены на лыжах многие десятки километров вдоль Пинеги и Двины. И все последующие годы — участвовал А. К. в полевых выездах или нет — он был вдохновителем, научным руководителем, самым заинтересованным ценителем собранного материала и строгим арбитром всех экспедиционных проблемных ситуаций, будь то вопросы методики, планирования или организации очередной поездки в поле.

Экспедиция в первые десять лет во многом оставалась походной — долгие пешие переходы по Северному Уралу, Саянам, Башкирии, Русскому Северу, когда топонимы не только записывались, но и «примеривались» к объектам, когда географические привязки были во многом проверены собственными ногами, когда компас был так же необходим в пути, как и при разговоре с информантом.

И как всякий поход, она включала в себя и песни у костра, и волейбол с проходящими мимо туристами, геологами, зэками, и встречи с медведями и прочими зверями, и тонущие плоты, и блуждание по лесу... Но всегда в нужный момент Александр Константинович был рядом, чтобы найти, поддержать, спасти... Первые экспедиционники говорят о нем не только как о руководителе, но и как о надежном и верном товарище. Именно с тех пор экспедиция стала не только осознанным научным поиском, не только сбором необходимого для исследований материала, но и проверкой человеческих качеств, и вызреванием незабываемого экспедиционного братства — собрания единомышленников: не для своей или чьей-то диссертации работали, а спасали народное наследие; не просто учились собирать материал, а учились делиться опытом, помогать друг другу, быть ответственными за товарищей и за собранные данные... Незыблемый закон экспедиции — собирать материал не для себя (точнее, не только для себя), а для сохранения языкового материала как памятника души народной — свято соблюдает и каждый начальник экспедиции (их пока четверо: с 1961 по 1982 г. — А. К. Матвеев, в 1982–1991 гг. — О. В. Востриков; в 1992–2000 гг. — М. Э. Рут, с 2001 г. и по настоящее время — Е. Л. Березович), и каждый ее участник. А если кто по ошибке ехал в экспедицию как в обычную туристическую поездку, на следующий раз уже оказывался не с нами, причем «туристов» никто не отстранял — уходили сами.

Такое лирически-публицистическое отступление может показаться неуместным в научной статье, но осознание общественной и общечеловеческой значимости своей работы неотделимо от экспедиционных будней, воспитано Александром Константиновичем и, хотя очень редко проговаривается, но отчетливо звучит в экспедиционных песнях («И за околицей русской деревни встанут вдруг люди из древнего племени...»; «Слово нетленным останется. Просто — мы на бумаге, они на бересте... Как сохранить это дивное диво вечно свободным и вечно правдивым?...»). Показательно, что когда готовился юбилейный сборник экспедиционных мемуаров, его молодые составители предложили этой веселой книжке очень серьезное название — цитату из Иллич-Свитыча: «Вброд через реку времени» — за, казалось бы, походным балагурством для них отчетливо светились подлинные цели экспедиции.

К вопросу о периодизации. Хотя 50 лет — срок немалый, даже самым «древним» участникам экспедиция представляется как нечто необыкновенно единое и целостное. (Конечно, не обходится без сетований на то, что раньше и материал был лучше, и информанты более «информативными», но это не меняет сути дела.) Попытка выделения периодов прозвучала в докладе А. К. Матвеева на 20-летнем юбилее ТЭ, но тогда позади было лишь 20 лет...

Все же можно оттолкнуться от того юбилейного доклада и выделить первое десятилетие как погоню за «синей птицей» субстрата (образ А. К.). Действительно, именно стремление уточнить карту бывшего расселения народов

на территориях, для русских вторичных (будь то Урал или Русский Север), определяло преимущественное внимание к русским топонимам субстратного происхождения — русскую топонимию собирали избирательно, причем критерии этой избирательности носили достаточно субъективный характер. В погоне за «синей птицей» преодолевались огромные расстояния, сбор шел не по районам, а по бассейнам рек, что, в частности, обеспечивало широкий охват материала на территории Русского Севера (прежде всего Архангельской обл.) и на Северном Урале.

Во втором десятилетии своего существования экспедиция стала развивать и укреплять один из основных принципов своей работы — «всеядность» (об этом дальше), и это сняло вопрос о выделении особых периодов.

Собирать все и для всех. У новичков часто возникает вопрос: почему экспедиция называется Топонимической, если собирать приходится и лексику, и антропонию, и много чего еще? Это вопрос вполне закономерный, поскольку чисто топонимической экспедиция не была даже в первом десятилетии: с самого начала записывали географическую терминологию, интересовались антропониимией, а в 1970-е гг. начался планомерный сбор лексики и скоро стал столь важным, что именно его методика выдвинулась на передний план. («Топонию тебе дадут, а лексику ты собери сам» — одна из заповедей полевого сбора ТЭ, внушаемая ветеранами новичкам.) Конечно, Александр Константинович изначально увлекся именно топонимией (наука топонимика в СССР именно тогда зарождалась), увидел ее богатейшие возможности для того, что его всегда более всего интересовало, — для выяснения связей языка и народной жизни, истории, культуры народа. Но чем дальше собирался топонимический материал, тем яснее становилось, что невозможно вырвать его из общего культурного пространства русского говора, в котором лексика и ономастика составляют единое целое. Наверное, особенно хорошо это ощущалось в мансийских экспедициях, когда знание мансийского языка оказывалось единственной возможностью грамотной интерпретации топонимического материала.

Оказалось, что и русская диалектная номинативная лексика дает богатый материал для интерпретации топонимов; к тому же активно включающиеся в беседу информанты щедро делились и существительными-экспрессивами, и прилагательными-цветообозначениями, и глаголами говорения, передвижения... Общая установка на сохранение языка народа как бесценного памятника традиционной культуры заставляла фиксировать все. В 1980-е гг. сбор лексики приобрел масштабы, заставившие думать о словаре говоров Русского Севера (в 2011 г. вышел пятый том этого словаря: «Ка-Коняшка») и о серьезной научной работе на базе лексических полевых данных (на настоящее время по материалам лексической картотеки защищено около двух десятков кандидатских диссертаций, идет работа еще над тремя, близка защита двух докторских).

С другой стороны, с первых лет работы неустанно расширялось поле сбора ономастики: уже не только антропониимия, но и астрономиимия, зоонимиимия, этнонимиимия,

затем хрононимия заняли свое место в полевых опросах и стали объектом научных исследований участников экспедиции. Сейчас этот ономастический материал отражен в научных монографиях, словарях астрономов и микроэтнонимов (коллективных прозвищ жителей деревень), в 2011 г. сдан в печать словарь хрононимов.

Но топонимия остается главной заботой экспедиционной деятельности и главным ее научным результатом: трехчастная монография А. К. Матвеева, посвященная субстратной топонимии Русского Севера, его не раз переиздававшиеся словари географических названий Урала и словарь топонимов Тюменского Севера, подробнейший очерк топонимии Казыма Т. Н. Дмитриевой, вышедшая в 2011 г. монография Н. В. Кабининой, посвященная субстратной топонимии Поморья, диссертации Г. В. Глинских, Т. Н. Дмитриевой, Е. Э. Ивановой, О. В. Смирнова, М. Н. Нечай, Н. В. Лабунец по топонимии Урала и Зауралья, Л. Г. Гусевой, Л. А. Субботиной, Ю. В. Алабугиной, О. В. Вострикова, Н. В. Кабининой, Т. И. Киришевой по Русскому Северу стали важными вехами в развитии топонимики в СССР и России.

Когда в конце 80-х — в 90-е гг. XX в. в России с особой силой вспыхнул интерес к этнолингвистике, оказалось, что постулируемый с первых экспедиционных выездов А. К. Матвеевым принцип «твердо знать, что тебе нужно, но никогда ничего не пропускать и брать все, что есть» обеспечивает участникам ТЭ возможность исследований и такого рода — свидетельством стала новаторская работа Е. Л. Березович, разработавшей результативную методику извлечения этнокультурной информации из топонимического материала.

Материалы ТЭ, структурированные в виде картотек различного типа, а в XXI в. введенные в электронную базу, несомненно, могут служить источником многих новых исследований в самых различных аспектах.

О методиках сбора. Конечно, наиболее разработанной выглядит методика сбора топонимов, покоящаяся на трех китах — географической привязке, внимании к смежным объектам и учете знаний информантов о свойствах объекта. Сложившаяся еще в первых экспедициях, она оттачивалась и приобретала новые детали в каждом полевом выезде, и здесь нельзя не отметить, наряду с несомненным авторством А. К. Матвеева, вклад О. В. Вострикова, М. Л. Гусельниковой, Н. В. Овчар, в исполнении которых сбор топонимии приобрел филигранную отточенность (оцененную и информантами) в соотношении топонима с точкой на карте и локусом реальности.

В отличие от топонимии сбор лексики на первых порах носил характер случайных фиксаций показавшихся интересными фактов речи информантов. Но когда стала очевидной необходимость системного сбора диалектного лексического материала, экспедиция стала отрабатывать собственные подходы к опросу (естественно, опираясь на существующие вопросники). Неординарную тактику сбора лексики во многом подсказала работа с информантами-манси, когда опрос

строится не от текста, а от реалии. Новую методику направленного сбора номинативной лексики создавали Т. Н. Дмитриева, Л. А. Субботина, Ю. В. Алабугина, совершенствуя приемы разговора с информантом с опорой на типичные ситуации народной жизни («А если осенью идти по дороге невозможно, вся дорога неровная?»); «А когда идете по лесу, и вдруг ель поваленная, так корнями и встала вся?»); «А если в темных местах в лесу висит такая серая на елях...?»; «А когда на озерах рыбу ловить, там ведь на лодке плохо, а с чего ловили?»). Во всех экспедиционных методических разработках по сбору материала постоянно присутствует постулируемая А. К. необходимость знания реалий: карты (не случайно сбор топонимии в течение нескольких лет шел в контакте с топографами), рельефа местности (экспедиционники всегда учились видеть землю, по которой идут, осознавать мотивы топонимии), предметов народного быта. (Первые двадцать лет действовало железное правило: останавливаться для жилья только у местных жителей — никаких интернатов и гостиниц! Все супы и кулёмы, кичиги и ночвы, кунды и калги участники экспедиции видели своими глазами, и коллективный экспедиционный опыт хорошо представляет себе идеографическую сетку изучаемых говоров.) И если в первые годы обучение новичка длилось сезона три, то сейчас, отправляясь в свой первый маршрут, неопыт вполне представляет себе азы тактики и стратегии опроса, изученные им на доэкспедиционных занятиях с ветеранами.

Массовость и преемственность. В каждом полевом сезоне — от 15 до 25 (иногда 30) участников. За 50 лет в ТЭ поработало более 500 человек, совершивших немногим менее 2 000 «человеко-выездов». На протяжении всех лет работы в отрядах тщательно соблюдался баланс ветеранов и новичков. По традиции ветеранами считаются те, кто имеет за плечами 7 и более экспедиций (выбор этого некруглого числа не случаен: в традиционной топонимии 7 — число, нагруженное коннотативными смыслами и мифологической символикой, о чем когда-то писал А. К. Матвеев в статье «Семерка на карте» (1973)), и сейчас таких ветеранов более 70. До 1985 г. ежегодно работа ТЭ проходила в два сезона — зимой и летом. Сложности с финансированием привели к тому, что проводить две экспедиции в год стало сначала очень трудно, а потом и невозможно, — пришлось ограничиться летними полевыми работами, которые тоже сократились с двух летних месяцев до одного, а потом и до трех недель. Тем не менее каждый год новый отряд готов к работе. Экспедиция продолжается.

Труды Топонимической экспедиции

Д и с с е р т а ц и и

Алабугина Ю. В. Календарные имена в топонимии Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.

Берг Е. Б. Хореографическая терминология в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Березович Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Верхотурова К. С. Огонь в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.

Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.

Галинова Н. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Глинских Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне р. Тавды : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.

Гусева Л. Г. Географическая терминология Каргопольского края : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1974.

Гусельникова М. Л. Полукальки в топонимии Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1994.

Дерягина З. С. Гидрографическая терминология в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Дмитриева Т. Н. Лексические заимствования в русских говорах Нижнего Прииртышья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1981.

Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Иванова Е. Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.

Ивашова Н. М. Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Кабинина Н. В. Топонимия дельты Северной Двины : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Кожеватова О. А. Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Литина В. В. Региональный диалектный идеографический словарь: Принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Лысова Е. В. Орнитонимия Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1959. (Учен. зап. Урал. гос. ун-та. Вып. 32).

Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера европейской части СССР : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. Т. 1–2. Приложения. Карты.

Мищенко О. В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Муминов М. Т. Русская топонимия субстратного происхождения в междуречье Тавды и Исети : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1970.

Нечай М. Н. Русская топонимия лесной зоны Среднего Прииртышья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.

Попова Э. Ю. Этнонимия Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Просвирнина И. С. Составные наименования в русской топонимии : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Пьянкова К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

Родионова И. В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Рут М. Э. Русская народная астрономия и ее связи с астрономией других народов СССР : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1975.

Рут М. Э. Образная ономастика в русском языке: ономаσιологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1994.

Смирнов О. В. Русская топонимия северной части горнозаводского Урала : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Смирнова О. С. Термины полеводства и их отражение в топонимии Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Субботина Л. А. Заимствования в географической терминологии Белозерья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984.

Суспицына И. Н. Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Топорова Е. Н. Лексическая мотивированность в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Феоктистова Л. А. Номинативное воплощение абстрактной идеи (на материале русской лексики со значением 'пропасть, исчезнуть') : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Фомин А. А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Хромова Н. В. Топонимия бассейна реки Вагай : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

С л о в а р и и м о н о г р а ф и и

Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. М., 2008.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2010.
- Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.
- Востриков О. В.* Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2000. Вып. 1–5.
- Востриков О. В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.
- Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005.
- Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
- Литина В. В.* Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2004–. Вып. 6/1–.
- Матвеев А. К.* Неройки караулят Урал. Свердловск, 1976.
- Матвеев А. К.* Семь названий на карте Урала. Свердловск, 1979.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала. Свердловск, 1980.
- Матвеев А. К.* От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984.
- Матвеев А. К.* Топонимия Урала. Свердловск, 1985.
- Матвеев А. К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск, 1987.
- Матвеев А. К.* Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990.
- Матвеев А. К.* Вверх по реке забвения. Свердловск, 1990.
- Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.
- Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000.
- Матвеев А. К.* Ономастология. М., 2006.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2001 ; Ч. 2. Екатеринбург, 2004. Ч. 3. Екатеринбург, 2007.
- Матвеев А. К.* Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург, 2011.
- Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2004–. Вып. 1–.
- Рут М. Э.* Русская народная астронимия. Свердловск, 1987.
- Рут М. Э.* Звезды рассказывают о Земле. Свердловск, 1990.
- Рут М. Э.* Словарь астронимов: Звездное небо по-русски. М., 2010.
- Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2000–2011–. Вып. 1–5–.

Методические пособия

Березович Е. Л., Гусельникова М. Л. Методические указания по сбору и обработке топонимии. Екатеринбург, 1991.

Рукопись поступила в редакцию 21.11.2011 г.